

Все включено

Интерлюдия

Посадка на рейс Вроцлав — Ираклион совершается через выход С.

Работница аэропорта имени астронома Коперника одарила Иванова дежурным взглядом, посмотрела в паспорт и снова — на обладателя паспорта. Будто играла в игру «найди десять отличий». Равнодушие сменилось удивлением, немым вопросом: что, черт подери, с вами произошло? Иванов стойко выдержал взгляд, приподнял брови, как бы говоря: ну да, я скинул десяток-другой кило вместе с большей частью шевелюры и похож на собственное фото семилетней давности так же, как труп в могиле похож на снимок с надгробия. Вы меня раскусили, но давайте не будем заострять внимание, позади топчутся отпускники, желающие поскорее искупаться в море.

Работница аэропорта опомнилась и вернула Иванову загранку и билет.

— Хорошего полета, — смущенно сказала она.

Смущение, смятение, оторопь. Иванов ненавидел все это. Словно люди — те немногие, от которых он социальной изоляцией не смог скрыть секрет, — на миг становились зеркалами, отражающими чужую болезнь. Им было неудобно, хотелось уйти — ему тоже. Дискомфорт — как сидеть в самолете между двумя вертявыми поляками. Жующие рты, крошево крекеров. Углы рук, завладевшие подлокотниками, укорененность, основательность, тупая уверенность, что они, рты и локти, тут надолго. Махина разогналась и воспарила. В иллюминаторе припадочно подрагивало серое крыло. Как обычно в небе, Иванова принялись одолевать мысли о катастрофе. Это было бы забавно, черный юмор Вселенной. Но, глянув

в проход, поверх соседской лысины, Иванов отмел картинку массовой гибели. Красивая женщина укачивала младенца. Бабушка показывала внуку облако, похожее на кафедральный собор. Девочка смотрела влюбленно на своего лопоухого принца.

«Пусть себе будут», — разрешил Иванов.

«Эпл вотч» переключился на греческое время. Час вперед. Чуть ближе к смерти.

Иванов не брал с собой чемодан и налегке, с нетяжелым рюкзаком, вышел под палящее солнце. У аэропорта имени писателя Казандзакиса галдели туристы и важными животастыми птицами курсировали автохтоны. Иванов надел темные очки и направился к черному микроавтобусу, о котором говорил сотрудник агентства. Закружилась голова, подурнело резко — он называл приступы затмениями. Иванов протянул руку, ища опору, но борт автобуса был далеко. Он сел на корточки, покачиваясь болванчиком, и издал звук, с которым покойный Боцман, любимец бывшей жены, откашливал шерсть. В грудной клетке расцвел и завял огненный цветок.

— Вам плохо?

Симпатичная азиатка смотрела на Иванова обеспокоенно и протягивала бутылку с минералкой.

Он покачал головой, выпрямился, прислушался к организму и решил, что доживет до отеля.

— Перегрелись? — спросила азиатка.

— Я умираю, — ответил Иванов и сел в автобус.

Справа раскинулось Критское море: все оттенки синего, белая окантовка у скал. Ехали по серпантину, опасно кренясь к пропасти. Кириллица на вывесках складывалась в загадочные слова-заклинания, лишённые для чужака смысла. Иванов долго подыскивал пункт назначения, колебался между Испанией и Италией, местами, где был счастлив; отмел оба варианта и подумывал о Черном море, о Сочи, которое никак не ассоциировалось с развалившимся браком. В конце концов выбрал Крит, только потому, что ни разу не был в Греции: терра инкогнита, связь с прошлым, ограничивающаяся зачитанным в юности томиком о богах и героях Олимпа. По той же причине он впервые заплатил за «ол инклюзив».

В 18:00 автобус высадил Иванова у отеля и увез поляков, чтобы рассеять по побережью. Здесь не было ни города, ни деревни, лишь беспорядочное ассорти гостиниц и съемных вилл. Глинобитные домики-номера поднимались каскадом над стекляшкой административного здания. Иванов зарегистрировался, получил ключ и вышел к бассейну. Он привычно покашливал и сглатывал слюну. Но затмений не было. Пока.

На террасе принимали солнечные ванны туристы с разных уголков света. Вода в бассейне была ослепительно-голубой. За оградой, внизу, лежал залив Амирос, правее вздымались горы. Иванов набрал в легкие воздух, переоценил себя, сложился пополам. Туристы одарили захлебывающегося человека подозрительными взорами. «Успокойтесь, — подумал он, — это не ковид, забравший мою маму. Не ковид».

Он уперся в столик, приходя в себя, смаргивая пелену слез. Блондинка на шезлонге демонстрировала выпуклости и впадинки, капли влаги были бриллиантами на загорелой коже. Компания парней хором на ломаном английском флиртовала с официанткой. Мордастые, плечистые, перенасыщенные тестостероном. Гадкая зависть закопошилась в Иванове. Плеснуло водой, смехом. Две пышные девчушки установили на прорезиненном бортике смартфон, выныривали из бассейна перед камерой и гримасничали. Жизнь кипела, девичьи бюсты подпрыгивали, парни играли мышцами, шумело море. Старик — лет восемьдесят, не меньше — проковылял от бара, неся два бокала вина. Провожая его взглядом, Иванов подумал: «Господи, мне же сорока нет».

«Нет и не будет», — как бы напевало море.

От жовиальности замутило. Идея, выпестованная на больничной койке во Вроцлаве, показалась идиотской. Пошлость в духе любимого Ириного фильма «Достучаться до небес». С ключа свисала бирка, на ней надпись фломастером: «336». Иванов отправился на поиски номера.

Облицованная плиткой лестница привела в уединенный дворик между хибарами-духовками. Белые кубы с плоскими крышами и наростами кондиционеров. В кадках зеленели какие-то растения, розовые кусты благоухали, на спинках плетеных кресел

сушились купальники и полотенца. Глиняная табличка подсказала дорогу. Иванов, кряхтя, взобрался по ступенькам. Новый ярус, новая конфигурация из кубов, головокружительный вид на залив и горы. Нет, закончить путь в Греции — не такая и глупая затея. Иванов обогнул домик, глянул за паранет. Внизу тянулась старая асфальтированная дорога и колыхались на теплом ветру заросли местного рогоза, трехметровые стебли.

Кривясь и кашляя, Иванов преодолел еще одну лестницу, и еще одну, и еще. Плитку измарали пятнами тени листвы. В кронах деревьев надрывались цикады. Узнав от общих приятелей, что бывший муж вот-вот отдаст концы, Ира позвонила ему, но он не снял трубку и сообщения не прочел. Зачем ворошить прошлое? Счастливая во втором браке — если верить социальным сетям, — Ира не должна забивать голову такой ерундой.

Нужный номер расположился на самом верху глинобитных наслоений. Иванов скинул рюкзак, принял душ и переоделся, хотя смысла в этом было столько же, сколько в надписях на чужом языке. Не покидала мысль, что, размазывая по впалой груди шампунь, он омывает труп. Зеркало демонстрировало усохшего человечка с мешками в подглазьях.

У них с Ирой не было детей. Лобастого мальчугана Ира родила от коллеги-поляка. Иванов лайкал фотки. Отсутствие наследников делало его каким-то легким, что ли, случайным. Своего уголка во Вроцлаве он не нажил, арендодатель просто выкинет вещи или отдаст, скажем, беженцам. Значительную сумму денег — сэкономил, отказавшись от дальнейшего лечения, — Иванов перевел в фонд борьбы с онкологией, а коллекцию винила подарил боссу, тоже уже бывшему; босс старательно отводил глаза и тщетно искал правильные формулировки.

Ничего правильного не было в том, чего пока не избежал ни один человек, кроме сына Божьего.

Иванов автоматически сунул ключ в карман шорт. Больше он ничего не взял. Кошелек, паспорт, мобильник остались лежать на застеленной кровати. Полотенца-лебеди. Цикады-плакальщицы. Выкашлять ком дряни — и вперед, по лесенкам, по терраскам, вниз, где жизнь празднует мимолетную победу.

В столовой его окружили тела: обгорелые, розовые, бледные, колышущиеся, упакованные в парео, разрисованные татуировками, увлажненные кремами, волосатые, гладкие. Аппетита не было, но он нагрузил в тарелку всякого. Заставил себя есть и не думать, что эта рыба будет в его желудке при вскрытии. Последний ужин с видом на горы. Смертник. А кто нет? Сколько лет понадобится, чтобы та блондинка, лопающая дыню, превратилась в хрупкую мумию? Не так много, как она полагает.

Иванов, конечно, мог раскошелиться на настоящий ресторан в городе, выпить хорошего вина. Но его вполне удовлетворили гостиничные блюда и красная бурда в стакане. Захотелось выпить второй, третий, перейти на крепкое. Но он решил быть трезвым, когда...

Когда.

Солнце клонилось к закату. Небо над горизонтом было нежно-розовым, как гениталии. Иванов не кашлял, покидая отель. Прямая спина. Ровный пульс. Он даже был воодушевлен, как человек, которого вот-вот выпустят из пыточной.

Год, всего год. А чьи-то мучения растягиваются до бесконечности. Он не собирался тянуть.

Между отелем и морем лежала оживленная трасса. Иванов прошел под ней. Переход украшали наивные рисунки улыбающихся дельфинов. Дальше скрипела испытываемая ветром на прочность жестяная реклама таверны. Нарисованные блюда выцвели до несъедобных куч. Справа — аренда автомобилей, заброшенная гостиница и минимаркет, у входа в который плясали, обезумев, надувные фламинго, привязанные к турникету. Ветер гнул их полые шеи.

Иванов вошел в тенистый магазин. Здесь торговали спасательными кругами, шлепанцами, средством от комаров, анисовым алко-голем, маслинами и оливковым маслом, ловцами снов и гипсовыми аполлонами. Полка у кассы предлагала книжки в мягких обложках на десятке языков. Мелькнула мысль: Иванов не прочтет больше ни строчки. Ни нового Дэна Брауна, ни поста в «Телеграме». Для него новостей больше не будет; в критской глуши он сам станет на мгновение новостью, строкой, темой для разговора между официанткой и накачанными парнями.

Седовласый продавец, похожий на актера Энтони Куинна, выдал Иванову зажигалку и пачку синего «Винстона» и посмотрел так, словно все понял, но ничего не собирался предпринимать. Каждое совершаемое действие обрело особую тяжесть, глубину, ибо было последним в цепи таких же действий, совершенных Ивановым бесчисленное количество раз. Как снятие целлофана с пачки. Как щелканье зажигалки. Как дым, впускаемый в легкие.

Иванов не курил с прошлого лета. Дым обрел свойства напалма и сжег изнутри. Но, вывернувшись наизнанку и окропив газон слюной и слизью, Иванов не сдох на этой разбитой дороге под надзором розовых фламинго. Снова научился дышать. Повторно затянулся. Теперь дым мягко входил в изувеченные мешочки и давал ложное чувство целительного средства. Иванову похорошело. Голова не кружилась. Он посмотрел на облупившийся фасад гостиницы.

Его с детства манили заброшки. Они сулили тайну, спрятанную в недрах, пусть на поверку и хранили лишь шприцы, дерьмо да осколки бутылок. Иванов подумал об особой форме рака — архитектурной онкологии. Сначала здание заболевает, потом его покидают жильцы.

Трехэтажная гостиница дряхлая на морском ветру. Бежевая штукатурка осыпалась, обнажив бетонную суть. Окна и двери, ведущие на два симпатичных балкона, загородились деревянными жалюзи. Шифер отваливался.

Куда ты спешишь?

Вопрос прозвучал в черепной коробке Иванова, словно надутый бризом. Там, в коробке, мозг на миг обратился в желе, какое Иванов съел на десерт. Ноги сами понесли к замусоренным палой листвой ступенькам.

Первый этаж — четыре широких двери в ряд. Органическое стекло зияло пробоинами. На штукатурке прищипцы царапали свои имена и признания в любви. Взгляд впитал надпись на русском: «Тут были Люберцы». Название гостиницы, набранное крупными литерами: «Таласса».

Фойе было свалкой пластиковых стульев и напольных вешалок. Там кто-то стоял. Рядом с заплесневелым матрасом, прислоненным к дверям изнутри. Стоял и смотрел на Иванова.

«Это мое отражение».

Иванов провел ладонью по взопревшему лицу. Щетина. Он больше никогда ее не сбреет. Пот струился по вискам. «Таласса» нависала над человеком, балконы выпирали хищными челюстями. Мозг Иванова вернул нужную твердость, морок спал.

«Не хватало перегреться», — подумал Иванов и нервно хмыкнул. Он приметил дыру в сетке-рабице и с легкостью проник на территорию «Талассы», где властвовал сорняк и тухла в цистерне вода. Море звало. Бетонная лестница обрывалась посередине, ее перила выгнулись, точно расплавленные. Иванов прыгнул на пляж, некогда бывший частными владениями гостиницы, а теперь отданный насекомым и гниющим водорослям, напоминающим ворохи киноплёнки. Цикады пререкались с прибоем. Не было ни души, ни тут, ни за рабицей с двух сторон, на общественном пляже и пляжах соседних отелей. Вдали кутались в дымку горы. Солнце висело над горизонтом, как апельсин, как оранжевая луна, почти доступное прямому взгляду. Разыгрался шторм. Волны яростно атаковали пустынный берег, шарили пенными лапами и одергивались, словно дотронувшись до чего-то мерзкого. Йодистый запах пропитал Иванова. Он запоминал, зная, что памяти скоро не будет. Воронки, валы, языки, слизывающие с песка отпечатки его сандалий. Моц, близость которой вызывала религиозный трепет. Что-то постоянное против чего-то смехотворного.

Иванов понял, что выбрал правильное место. Он выкурил сигарету, наблюдая, как солнце исчезает в заливе, почти ожидая, что, соприкоснувшись с водой, оно зашипит. Зажмурившись, Иванов продолжал видеть солнце, будто в его веках прорезались крошечные дырочки.

Он открыл глаза, пара уменьшенных солнц заматалась по волнам. Булыжники стучали друг о друга, процеживая море. Было еще светло, и в небе летел самолет, снижаясь к Ираклиону. Пора.

Иванов разулся. Прибой сразу утащил правую сандалию, за ней — левую. Он омывал ржавые шезлонги с эмблемой «Талассы». На один из шезлонгов Иванов положил ключ от номера, зажигалку и сигареты. Может быть, хотел, чтобы после него что-то оста-

лось. Маленькая загадка для тех, кто забредет на этот грязный пляж.

Трясаясь от кашля, Иванов пошел в море.

Черное, в которое вбегал ребенком.

Эгейское, в котором занимался любовью с Ирой.

Адриатическое, в котором потерял обручальное кольцо, и Ира сказала, это дурной знак, а потом изменила ему, и они развелись, и врач сказал, что курение таки убивает.

Босые пятки ступали с камней на зыбкий песок. Мерешилось, что пена, клубящаяся у колен, красная, как пуниш. Кровавое ветхозаветное море. Теплое. Вечное.

Волна ударила в пах, следующая — в живот. Иванов напряг пресс, балансируя на булыжниках. Прибой мешал пресловутой жизни проноситься перед глазами, сосредоточиться на образе родителей, которые ждут «там», если «там» есть. Ветер сменил курс и донес запах — удушающую вонь, словно на пляже разлагалась туша кита. Иванов обернулся. Волна окатила, повела вбок, камень впился в пятку. Что так смердит? Надо вернуться, это цирк, а не самоубийство.

Соль ела глаза. Вода поднялась до груди. Что-то проплыло возле Иванова, длинное, черное... Гадюка? Бывают ли морские гадюки? Иванов замахал руками, волна сбила с ног, окунула в море, отбросила, замотала, как куклу. Иванов хлебнул воду, выпучил глаза, вынырнул, кашляя и рыгая. Над ним кто-то стоял. Стоял на воде. Иванов видел бедро, плечо и клин белого, как рыбье брюхо, лица, взошедшего в сумерках. Затем тот... то, что стояло на волнах, опустило взгляд, и угольно-черные глаза, как рыбацкие крючья, впились в мозговое вещество Иванова.

Он замычал. Волна поволокла по дну, ягодица напоролась на камень. Мир кружился в безудержном хороводе и тонул. Чудом Иванову удалось встать — уровень воды едва доставал до пупка. Подгоняемый шлепками волн, он похромал к желтой полосе пляжа. Небо краснело, как гематома. На его фоне вырисовывался заброшенный отель.

«Моя жопа», — скривился Иванов. В трусы, в шорты набился песок. Было странно переживать о жопе, имея рак легких.

Он выбрался на берег и с удивлением обнаружил, что, пока барахтался в море, на пляже появился еще кто-то. Худощавая брюнетка сидела на краешке развалюхи-шезлонга. Иванов окинул ее коротким взглядом и уставился на воду, которая его так решительно отвергла.

Что это было, черт подери?

Прибой рокотал, перебирая булыжники. Пахло водорослями, в их мокрую подушку проваливались ступни. Иванов больше не чувствовал ужасной вони, принесенной ветром минуту назад. Метрах в пятнадцати от пляжа черным пнем поднимался из пены обломок скалы, пористая вулканическая порода, напоминающая окаменевшую губку. Мог ли Иванов принять ее за человека, стоящего на воде? Так, вероятно, и было. Врачи ничего не говорили о галлюцинациях.

От скалы веяло чем-то зловещим. Весь частный пляж целиком, замусоренный и темный, вдруг представился гиблым и отталкивающим. Над глинистым склоном с обрубком лестницы шевелились блеклые колосья и притаилась «Таласса». Женищина замерла на шезлонге.

«Надо уходить», — оступело подумал Иванов. Он не предвидел такого поворота событий и не выработал план Б. Что ж, побережье Крита огромно, попробует в другом месте. Лишь просохнет...

Зачем?

Выпьет кофе...

Зачем? Зачем? Зачем?

Массируя задницу, Иванов приблизился к шезлонгам. Песок сыпался из-под сырой одежды. Женищина не обращала на Иванова внимания, устремив взгляд в лиловеющую даль. Волосы собраны в пучок и закреплены костяной заколкой. Сарафан с надписями «Крит» липнет к телу. Обветренные губы, облупившийся нос, большие светлые глаза. Брюнетка была ровесницей Иванова. Не красавицей, не уродиной — просто теткой, до которой ему нет дела.

Иванов забрал с шезлонга ключ от номера, сигареты и зажигалку.

— Как вода? — спросила женищина по-английски.

— Хорошая.

Голова закружилась привычно-внезапно. Иванов растопырил руки и плюхнулся на шезлонг. Стальная конструкция заскрипела, проседая в песок. Затмение обволокло черной ватой, и Иванов вздрогнул, почувствовав прикосновение... Женщина дотронулась пальцем до его переносицы.

Тьма схлынула. Иванов заморгал и закашлял. Женщина сидела напротив, очень близко, и смотрела на Иванова своими огромными глазами. Радужки ненамного темнее белков. Она посасывала указательный палец. Запястье окольцевали дешевые браслеты с ракушками и глиняными амфорами.

— Перекупались?

— Вроде того, — просипел Иванов.

— Меня зовут Фоя, а вас?

— Саша. Алекс.

— Откуда вы, Алекс?

С такого расстояния Иванов видел, что сужающееся к острому подбородку лицо гречанки ассиметрично. Смещенный нос, опущенный край рта и глаза разного размера. И все же назвать ее страшненькой не поворачивался язык. Наоборот, внешность женщины приковывала взгляд. Подумав, что таращится слишком откровенно, Иванов опустил взгляд и заметил бирку с ценником, болтающуюся на сандалии Фои. Пять евро девяносто евроцентов.

— Я... из Польши. До этого — из России.

— Я знать русский немного.

— Откуда?

— Глотаю... — Зрочки Фои двигались, будто она вылавливала из воздуха слова. — Полиглот.

— Здорово. Вы здесь живете? Я имею в виду, на Крите?

— Последнее время да. Там. — Фоя мотнула головой.

— Где? — Иванов посмотрел на отель. Здание обрастало сумраком, как мхом. В кустах вскрикнула птичка.

— Побудьте со мной, — вместо ответа сказала Фоя. У нее был хриловатый, грудной голос. Длинные пальцы перебирали складки подола. Фоя не рассчитала, купив сарафан на пару размеров больше, чем было нужно.

— Эм... ладно. — *Иванов* разучился болтать с противоположным полом. — Чем вы занимаетесь?

— Путешествовать. Плавать. Рассказывать.

— Рассказывать?

— Рассказать мне что-то. — *Фоя* смотрела на *Иванова* широко открытыми глазами разной величины. Он задался вопросом, не приняла ли она чего. Тоцая барышня на территории заброшенного пляжа, в сандалиях с биркой. *Иванов* заерзал на шезлонге.

— Я? Я должен что-то рассказать?

Фоя кивнула.

— Страшно.

— Простите...

— Рассказать мне страшную историю. А я — вам.

Предложение сбило с толку. *Иванов* посмотрел на водонепроницаемые часы. В это время, по плану, он должен был быть основательно мертв.

— Я не знаю страшных историй.

— Так не бывает. С вами не случаться ничего страшного?

Иванов невесело хмыкнул.

— Как вам сказать.

— Нет, — точно прочитав его мысли, тряхнула головой *Фоя*. — Страшно-таинственно. До мурашек.

— Извините. — Он собирался встать. — Я не смогу. Буду кашлять.

— Не будете.

Что-то в ее тоне вынудило его остаться на шезлонге. *Иванов* внимательно посмотрел на *Фою*. И вдруг понял, что не хочет уходить. Не хочет торопить смерть.

Я бы попробовал завтра...

Иванов вынул из пачки сигарету.

— Не надо курить, — произнесла *Фоя*.

Он помешкал и выронил «раковую палочку». Ее слизала волна, заполняющая пеной вмятины в песке.

— Хорошо, — проговорил *Иванов*.

И он рассказал о побережье. Другом побережье, в Италии. Как с бывшей женой гулял по кромке моря и забрел на пустынный пляж,

который вызвал в нем такое неконтролируемое беспокойство, что холодный пот выступил по всему телу. Ничем не обоснованная тревога — может быть, ее источником были угрюмые напластования остывшей лавы, которые сменили песок. Дыры под ногами, напоминающие рты, разверзшиеся в немом вопле. Ничего не замечающая Ира шла вперед, а Иванов плелся за ней, робко предлагая вернуться. «Там тупик», — сказал он. «Там лестница», — возразила Ира, горным козликом спрыгивая с гребня. Сухие водоросли засасывали ступни, как зыбучий песок. пляж сузился до тропки, пролегающей в тени карьера. За высоким забором отдыхали бульдозеры. «Плохое место», — пульсировало в голове Иванова, но он боялся показаться трусом. Ира — завела она тогда любовника или еще нет? — радостно взвизгнула. Нашла-таки лестницу. Высеченные в скале ступени вели к приотворенной калитке. Аккуратно подстриженный газон окружал стоящий наособицу, вдали от вилл, небольшой коттедж с бассейном на заднем дворе.

Иррациональная тревога сменилась вполне объяснимым опасением быть застуканными и принятыми за грабителей. Чего доброго, хозяева вызовут карабинеров, и придется торчать в полицейском участке.

«Давай найдем выход», — сказала Ира. Дюжина садовых гномов наблюдала, как они спешат к воротам. Запертым воротам.

«Тупик», — сказал раздосадованный Иванов. Двор был обнесен высоким кирпичным забором с колючей проволокой поверху. Существовало два варианта: стучаться в дом и просить выпустить их или возвращаться к застывшей лаве. Иванов выглянул в щель между створками ворот. Вокруг, насколько хватало зрения, ширилась пустошь, поросшая колючкой и прорезанная узкой дорогой. Хозяева явно предпочитали уединение. Коттедж был зеленым оазисом среди бесплодных земель, по соседству с карьером и ржавым остовом лодочного гаража.

Иванов покосился на джип, припаркованный в тени кипариса. Багажник машины был открыт, из него, как собачий язык, свисало розовое платье. Внедорожник будто блеванул вещами. На газоне валялись женская одежда, туфли на шпильках, фен и прокладки. На интуитивном уровне, на уровне спинного мозга Иванов

почувствовал, что надо уходить. Не пытаться разобраться. Ни в коем случае не стучать в дверь дома.

Он взял Иру под локоть. Ухоженный двор сейчас казался таким же мрачным, как пустошь за воротами или силикатные блины расплавленных и снова затвердевших горных пород на берегу.

— Там кто-то есть. — Ира приставила ладонь ко лбу, «козырьком», и Иванов скопировал ее жест. В окне второго этажа трепетали занавески и вычерчивался силуэт человека. Иванов прищурился. Он увидел голый торс и маску, которая прикрывала лицо мужчины в окне: чудная глиняная маска с тремя одинаковыми отверстиями — для глаз и для рта.

Потом, вскарабкавшись по вулканическим покровам и отбежав на приличное расстояние — Ира упала и разбила колено, Иванов ушиб ребро, — супруги пришли к выводу, что они действительно это видели.

Мужчина держал винтовку. Он не целился в незваных гостей, а просто стоял, сжимая оружие в правой руке, а пальцем левой подманивал Ивановых. Они кинулись прочь и потом в течение нескольких ночей просыпались в гостиничном номере от одинаковых кошмаров, в которых по ним стреляли из окна.

— Я гуглил, — сказал Иванов спустя три года. — В том районе Тосканы рыбаки находили части расчлененных человеческих тел. Не знаю, связано ли это с домом, на который мы напоролась... наверняка не связано. Я думал сообщить в полицию, но что бы я сказал?

— Это история не для полиции, — произнесла Фоя. Выглядела она как человек, отведавший деликатес. Глаза подернулись дымкой, будто горы Крита, там, вдали, за Ретимно. — Это история для меня. Она прекрасна.

— Рад, что вам было интересно. — Иванов потер грудь. Футболка высохла. Он сумел рассказать о давнишних приключениях, не раскашлявшись. — Я, наверное, пойду.

— Вас кто-то ждет?

— Нет.

— Тогда куда же вы торопитесь? Пришла моя очередь рассказывать страшную историю.

— Вы... — Иванов засмеялся. — Ваш русский лучше, чем был десять минут назад.

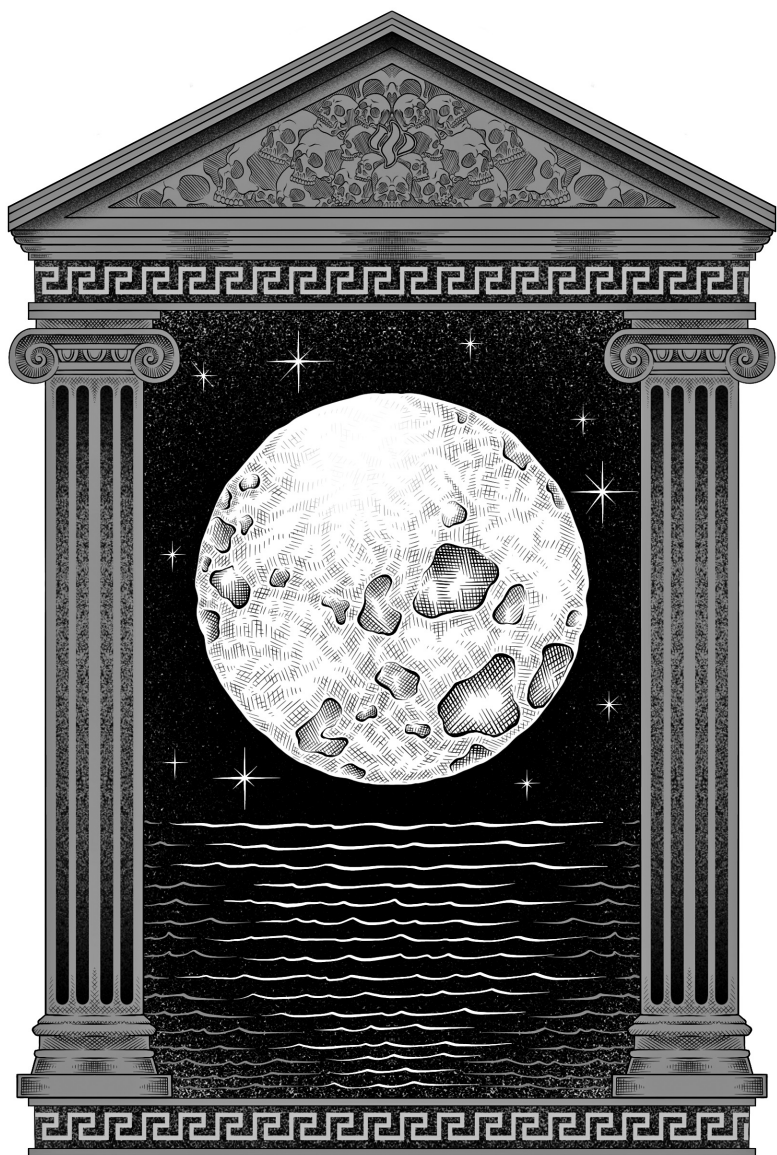
— Слушала вас и вспомнила язык. — Фоя не улыбалась, но ее глаза сияли весельем в тающем свете долгого июньского дня. Иванов назвал бы это веселье дьявольским. — Так что же? Уделите мне время?

— Почему нет? А эта история будет о Греции?

Фоя посмотрела на черную скалу, о которую разбивались волны.

— О да, — сказала она.

Максим Кабир

Дмитрий Костюкевич

ВОЛЧИЙ

Спасибо моему сыну, Александру Костюкевичу, за точечное соавторство. Он спросил, будет ли его имя на обложке. Я улыбнулся: вряд ли. Но новые кроссовки и имя в благодарностях — ведь тоже неплохо, верно, Санька?

И снова большое спасибо моему брату, Антону Костюкевичу, за дельные мысли и советы, которые вселили в меня уверенность и вернули за письменный стол.

Его рывком выдернуло из сна: кричал Ник. Игорь сел на кровати, еще не понимая, где находится. Комната была маленькой, незнакомой, с телевизором на стене напротив изножья кровати; задернутые шторы пропитались утренним светом.

«Отель. Прилетели ночью. Корфу...»

Он повернулся к сыну, которого уже успокаивала Марго:

— Все хорошо. Не бойся, это сон. Приснилось плохое?

Номер считался трехместным: в комнату втиснули три кровати — две рядом, одна отдельно, через узкий проход на ширину тумбочки. Ник в свои десять лет по-прежнему спал с родителями: они упустили этот момент и теперь пожинали ежевечерние истерики и упрашивания. В отпуске, тем более на море, ругаться не хотелось, к тому же вчера измотались переездами и перелетом, в отель заселились после двух ночи и, не разобрав чемоданы, повалились спать.

— Мама! — Не открывая глаз, Ник мотал головой. — Он на меня смотрит!

— Тише, солнышко. Мама рядом. Это сон. Все хорошо.

— Пускай он уйдет! Пускай не смотрит!

— Здесь никого нет. Только мама и папа. Солнышко, ты уже не спишь.

Сердце Игоря продолжало колотиться, в ушах стоял полный страха крик сына. Он сел на кровати и взял Ника за руку.

— Сын, открой глаза.

Ник дернулся, будто его ужалила змея.

— Кто это? Мама! Это он?!

— Тише, это папа. Мы на море. Посмотри, уже утро. Скоро пойдем купаться.

— Это я, папа, — подтвердил Игорь. — Не пугайся, я просто хотел взять тебя за руку.

Марго обняла Ника, тот зажмурился плотнее и прижал руки к груди.

— Ну все, тише, тише. Ты в безопасности.

— Открой глаза, — сказал Игорь, стараясь не злиться. — И увидишь, что мы в номере.

— Вчера мы прилетели на самолете, помнишь? — нашептывала Марго. — Потом ехали на автобусе по горам, было темно и непонятно. Приехали в гостиницу, и, пока стояли в очереди на заселение, ты увидел на улице котика и пошел его гладить. Помнишь? Похоже, здесь много котиков, и днем их будет легче найти. Пойдем искать котиков?

Игорь сдержался, чтобы не прокомментировать обилие котиков: видел напряженное лицо сына. Впрочем, оно расслаблялось, светлело. Ник приоткрыл один глаз.

— Привет, — сказала Марго.

— Привет, — ответил Ник.

«Вот и славно».

— Калимера*. — Игорь спустил ноги на пол и взял с тумбочки телефон. 6:42.

«Четыре часа не совсем здорового сна».

— Ну что, будильник, первый ужин мы точно не пропустим. — Он подмигнул Нику, но тот не отреагировал: еще не скинул паутину кошмара.

«Ничего, скоро забудется. Главное — не акцентировать».

— Значит, всем официальный подъем. Раскачиваемся. Не спешим. Кто не выспался, доспит на пляже.

Игорь раздернул шторы и откатил до упора балконную дверь. С улицы потянуло свежестью, морем, утренней тишиной, началом

* Καλημέρα (греч.) — доброе утро.

Содержание

<i>Максим Кабир. ВСЕ ВКЛЮЧЕНО. Интерлюдия</i>	3
<i>Дмитрий Костюкевич. ВОЛЧИЙ</i>	17
<i>Максим Кабир. ВСЕ ВКЛЮЧЕНО. Интерлюдия</i>	104
<i>Александр Матюхин. ГЛАС СИРЕН</i>	111
<i>Максим Кабир. ВСЕ ВКЛЮЧЕНО. Интерлюдия</i>	184
<i>Владимир Чубуков. ГАДАРИНСКИЕ СВИНЬИ</i>	189
<i>Максим Кабир. ВСЕ ВКЛЮЧЕНО. Интерлюдия</i>	290
<i>Максим Кабир. ЛАМИЯ</i>	293
<i>Максим Кабир. ВСЕ ВКЛЮЧЕНО. Интерлюдия</i>	394